

которой показалось мне непривычно печальным. Первыми словами её были:

— Ах, сударь, Ганс-то мой помер!

То было имя её младшего мальчугана. Я не нашёлся, что сказать.

— А муж, — продолжала она, — вернулся из Швейцарии ни с чем, и если бы не добрые люди, пришлось бы ему побираться в дороге. Ведь он, как на грех, захворал там не на шутку...

Я не знал, как утешить её, и подарил малышу несколько монет. Она стала просить меня взять с собою хотя бы немного яблок, я поблагодарил её и, приняв угощение, поспешил покинуть место тягостных воспоминаний.

21 августа

Состояние души моей изменяется порою с такою же лёгкостью и быстротою, с какою мы перевёртываем страницу книги. Вдруг забрезжит в полумраке жизни луч радости, всего на мгновенье! Например, когда я так погружён бываю в своих мечтаниях, что уже не в силах противиться мысли: «А если